

А. К. Кириллов

Ходатай по налоговым делам как часть культуры оптимизации налогов в начале XX в.*

Один из ярких эпизодов в колоритных воспоминаниях академика и генерала А. Н. Крылова — рассказ о том, как совершенно законные бухгалтерские ухищрения, снизившие прибыль Российского общества пароходства и торговли за 1915 г., спасли это предприятие от краха, которым грозила уплата налога на военную сверхприбыль¹. На языке современных экономистов это называется оптимизацией налогов.

Рассказ А. Н. Крылова относится к акционерному предприятию — одному из тех, что были обязаны соблюдать бухгалтерский стандарт. Оптимизация налогов для такого предприятия — лишь вопрос профессионализма главного бухгалтера. Была и другая категория — «не обязанные публичной отчетностью» (они же — «неотчетные предприятия»)². Лавки, средней руки магазины, мастерские, изредка — предприятия вроде паровых мельниц: состав неотчетных предприятий не очень впечатляет; зато число их в России начала XX в. измерялось сотнями тысяч.

Дополнительный промысловый налог взимался у них не с настоящей (по бухгалтерии), а с предполагаемой прибыли³. Для ее расчета цифра оборота, установленная по различным косвенным показателям, умножалась

* Выполнено по проекту государственного задания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI — начало XX в.)» (№ FWZM-2024-0007). С благодарностью к сотрудникам Государственного архива Томской области и лично Анастасии Геннадьевне Караваевой.

на «нормальный процент прибыльности». Борьба за снижение налогов для таких предприятий была гораздо менее предсказуемой. Именно эта борьба и составляет предмет рассмотрения в данной статье.

Ареной этой борьбы становились податные присутствия разных уровней, прежде всего — раскладочные присутствия на уровне отдельных податных участков. Присутствия, состоящие в основном из выборных плательщиков налога и руководимые податными инспекторами, имели право утверждать заявленную плательщиком сумму оборота и дохода или повышать ее, а на втором этапе — рассматривать возражения плательщиков⁴. Согласно закону, единственным надежным способом доказать завышенность вмененной присутствием суммы дохода для плательщика было представить правильные бухгалтерские книги. Но для того чтобы содержать профессионального бухгалтера, неотчетные предприятия были в большинстве своем слишком мелкими. Все же остальные доводы присутствие имело право отклонить простой ссылкой на их неправдоподобность, и именно этим обычно завершалось рассмотрение возражений⁵. В то же время отсутствие бухгалтерских книг не лишало плательщика права подавать возражение с некоторыми шансами на успех.

Благодаря аккуратности податного инспектора 2-го томского участка Д. Федорченко и за счет того, что часть его документов избежала гибели в потрясениях XX в., у историков есть возможность работать с возражениями на раскладку дополнительного промыслового налога, поданными в 1907 г.⁶ плательщиками Томского уезда (исключая губернский город Томск).

Изучение этих документов позволяет составить представление не только о способах обоснования плательщиками своих претензий, но даже о специалистах, помогавших торговцам бороться за свои права. Кое-какие сведения об этом лежат на поверхности за счет того, что богатых купцов обслуживали по специальным договорам профессиональные юристы. Так, видный сибирский мукомол Фуксман пользовался услугами адвоката П. В. Вологодского (будущего колчаковского премьер-министра), попортившего немало крови чиновникам финансового ведомства⁷. Однако большинство жалобщиков, пытавшихся выгадать своей жалобой десяток-другой или даже сотню рублей, не могло себе позволить такую роскошь; им оставалось либо бороться самим, либо обращаться к неофициальным «ходатаям по делам», прославленным Л. И. Соломаткиным, В. Е. Маковским и А. П. Чеховым⁸.

Задача настоящей статьи — выяснить роль неофициальных ходатаев-консультантов в составлении возражений плательщиков промыслового налога против назначенного им податного платежа.

Задача эта трудна именно тем, что положение ходатая по делам отличается от положения присяжного поверенного. Официально нанятый адвокат имел право самостоятельно действовать от имени своего клиента, поэтому у нас есть и их подписи под заявлениями, и доверенности от купцов. У неофициального помощника оснований запечатлеть себя в истории не было.

Первая зацепка, которая может навести на предположение об использовании автором возражения чужих услуг — это несамостоятельное написание заявления. В большинстве возражений из томской коллекции 1907 г. почерк, которым выполнено имя жалобщика, явно отличается от почерка основного текста. Само по себе это еще не основание предполагать участие консультанта: речь может идти просто о писарских услугах. Неграмотность — обычное явление среди дореволюционных торговцев. Мы вправе считать весьма вероятным, что речь идет о писаре, который писал под диктовку плательщика; автором документа в таком случае является предприниматель. Однако нередко в тех случаях, когда плательщик не сам писал возражение, подпись выполнена твердым уверенным почерком, доказывающим отличный навык письма. Это — веский довод в пользу предположения об использовании услуг «налоговых консультантов». Но это еще нельзя назвать несомненным доказательством. Несомненные же доказательства начинаются там, где мы сталкиваемся с дословными совпадениями заявлений от разных плательщиков.

Заявление в податное присутствие — документ, начисто лишенный официального шаблона и на сто процентов зависящий от личного творчества заявителя. Эти документы сильно различаются и по объему, и по оформлению, и по стилю, и по доводам. Наличие хотя бы двух документов, в которых дословно совпадают целые абзацы, может иметь только одно объяснение — они составлены одним человеком. И именно такие совпадения мы находим в возражениях мясных торговцев Новониколаевска. Мясная торговля Новониколаевска — единственная отрасль, в ответах податного присутствия на возражения удостоившаяся специального обзора. Отчасти это было связано, вероятно, с ее успешным ростом, отчасти — с тем, что именно от мясников поступило больше всего возражений. Для нас же важнее всего то, что пять из восьми заявлений от торговцев мясного ряда новониколаевского базара имеют обширные дословные совпадения.

Податной инспектор в своем отзыве, показав, что видит сходство заявлений мясников («Несколько возражений, поступивших от владельцев мясных лавок, однородны по содержанию, так как написаны одним и тем же лицом»)⁹, не вменил им это в вину. Обратившись за помощью к «консультанту», торговцы никакого закона не нарушили. И неудивительно, что консультант выдал им похожие тексты. Скорее, удивительно другое: то, что степень совпадения пяти возражений разнится.

Заявления Т. М. Беспалова¹⁰ и Т. К. Евсеева¹¹ назовем условно заявлениями 1-го типа. Они совпадают дословно за единичными различиями. Нет необходимости приводить их полностью. Самый риторически яркий момент таков: «Я мелкий мясоторговец, закупки скота по селам не произвожу, а покупаю таковой на местном базаре <...> работаю сам с утра до ночи, все ведущееся мною дело едва позволяет мне свести концы с концами, т. е. дать семье насущный кусок хлеба и кров, что в общем должно быть оценено не свыше 300 рублей в год,

которые и можно посчитать за прибыль от дела». Разница между этими фрагментами только в том, что Беспалов готов был платить налог с 300, а Евсеев — с 360 рублей (присутствие же вменило первому 600, а второму — 1000 руб.). Второе и последнее различие — в том, что Беспалов жаловался на свою неграмотность, а Евсеев назвал себя «почти безграмотным». Датированы заявления одним и тем же числом — 21 июля 1907 г.

Самое поразительное сходство — то, что в обоих заявлениях сделана подчистка в одном и том же месте: словосочетание «раскладной лист» в обоих случаях исправлено на более правильное «окладной лист». Маловероятно, чтобы подчистка была сделана после того, как клиенты расстались с «консультантом». По-видимому, они были у него одновременно, и после того, как кто-то из троих заметил неточность, она была исправлена сразу в обоих документах. В любом случае тесная взаимосвязь процессов создания этих двух документов налицо.

Какова зависимость между этими двумя текстами? Можем ли мы, пользуясь принятыми в текстологии выражениями, считать один из них протографом для другого? Для размышлений над этими вопросами полезны исправления. Они есть в обоих документах. Во всех случаях это пропуск слов, которые вставлены над строкой и в дальнейших цитатах показаны курсивом. У Евсеева: «При указанной *постановке* моей мясной торговли...», у Беспалова: «...торговля на базарной площади города *посчитана* приносящей...» (при переходе на следующую строку потеряно даже не целое слово, а половина!), «а потому и начисленный на меня промысловый налог 29 руб. 10 к. *является несправедливо большим*», «истинность *их* может быть проверена». В обоих случаях мы видим исправление не содержательных, а механических ошибок! Очевидно, что оба заявления списывались с какого-то иного текста, не дошедшего до нас; даже если это был не чистовой образец, а черновая заготовка, самое ее наличие показывает, что работа велась тщательно.

Наконец, еще одно, последнее, различие логично вяжется с различной степенью неграмотности торговцев, но оно крайне важно для нас. Если «почти безграмотный» Тимофей Евсеев имя и фамилию написал сам (и кстати, довольно уверенно), то прошение Беспалова завершается обычным делопроизводственным клише: «а за него неграмотного по личной его просьбе расписался Лаврентий Артамошкин». Что важно: эти слова записаны тем же почерком, каким написан основной текст! Это значит, что мы можем отбросить предположение, будто один торговец списал текст, сочиненный другим; мы можем быть уверены, что оба они пользовались услугами ходатай-консультанта, и этот безымянный ходатай обрел имя.

В тот же день, что и два предыдущих, составлено прошение мясника Е. К. Демидова¹², которое можно выделить во 2-й тип. Оно выполнено тем же почерком, так же оформлено (шапка, заголовок, отступы, концовка — «о последующем благоволите...»), повторяет дословно первые несколько строк, содержит те же доказательства (семейный расход как метод оценки дохода; неизбежные рас-

ходы и убытки) и даже повтор одного из оборотов (про работу с утра до ночи), но в основном эти доводы изложены другими словами или в другом порядке. Торговля Демидова была крупнее двух предыдущих: присутствие вменило ему 2400 руб. прибыли, он же готов был признать прибыль в «500–600 рублей». Повидимому, крупный клиент удостоился персонального обслуживания.

Еще интереснее 3-й тип заявлений от мясников: прошения Ф. М. Перова¹³ и П. И. Перова¹⁴. Это торговцы более крупные, и риторика здесь местами другая, но не менее ярко поданная. Обстоятельно (и совершенно одинаково) перечислив все расходы (в том числе и на содержание наемных рабочих), автор в обоих документах восклицает: «Что же может оставаться мне лично на содержание семьи за мой тяжкий, почти суточный труд?! Я едва-едва оправдываю скромное существование своего семейства», а если учесть возможные убытки, то «на черный-то день ничего и не припасается мною».

В прошениях Перовых полностью совпадает не только текст и дата подачи (22 июля), но и суммы доходов (4000 руб. вменено присутствием, «800–900 рублей» заявляют торговцы) и одно из исправлений: «...содержать не только форменную контору, но *даже* и одного конторщика я не имею средств». «Даже» в обоих случаях вписано над строкой; это может быть не техническая ошибка, а стилистическое улучшение. Различается еще одно исправление: там, где речь идет про «занимаемые для дела на стороне деньги», в заявлении Федора Михайловича над строкой вписано «для дела», а у Петра Ивановича — только «дела». Если первое исправление может быть стилистическим улучшением, то второе — несомненно исправление технической ошибки при переписывании. Учитывая совпадение фамилий жалобщиков — вероятно, не случайное — можно не сомневаться, что клиенты отлично знали об одинаковости поданных ими текстов.

Самое же интересное различие между заявлениями Перовых связано с почерком. Заявление Ф. М. Перова написано уже известной нам рукой Лаврентия Артамошкина с его характерными «Р» и «П» заглавными, «д» и «к» строчными. Заявление же П. И. Перова писано другим почерком, в котором существенно отличаются и перечисленные буквы, и строчная «б», и некоторые другие. Само по себе это могло бы иметь разные объяснения — например, что Перовы решили сэкономить: заплатив Артамошкину один раз за один документ, затем попросту переписали его сами. Но предположение о мелочной экономии мясников разбивается подписью. За обоих неграмотных родственников по их личной, как и положено, просьбе расписался своим неизменным почерком Лаврентий Артамошкин! После этого нам остается единственное объяснение: экземпляр П. И. Перова был изготовлен помощником Лаврентия Артамошкина здесь же, в его конторе, и сразу подписан. По аккуратности почерка помощник не уступал своему патрону. Не исключено, что оба они переписывали с одного тщательно обдуманного черновика, в который по ходу дела внесли пару небольших улучшений. Очевидно, дело у Артамошкина было поставлено более обстоятельно,

чем у стряпчего с картины Леонида Соломаткина, пишущего бумагу прямо на спине просителя.

Та же самая «фирма Артамошкина» отметилась в 1907 г. еще несколькими возражениями. Все они оформлены в уже знакомом нам стиле, все выполнены рукой помощника. Одно из них принадлежит братьям Сергею и Арефию Поляковым¹⁵, обладателям солидной кожевенной торговли с оборотом в 20 тыс. руб. Не оспаривая этой цифры, они пытались снизить лишь сумму прибыли с 3 тыс. до 1200 руб. Обоснование жалобы и стиль тоже привычны: перечень расходов, «лишь возможность сводить концы с концами», «скромная квартира» и отсутствие денег на бухгалтера. Датировано 19 июля — раньше всех прочих.

Подобные же прошения поступили от У.Л. Филипповой¹⁶, торговавшей хлебом в зерне и муке (вменена прибыль 3 тыс. руб., ходатайствует о снижении до 800 руб.; прошение датировано 19 июля) и от содержателя меблированных комнат С.В. Лазарева¹⁷ (просит прибыль 360 рублей вместо 750, дата — 20 июля). Помимо типового для «фирмы Артамошкина» оформления и логики обоснования, эти два заявления отмечены близкими формулировками кульминации, включающими риторический вопрос. Перечислив многочисленные статьи расходов, Филиппова восклицает: «Может ли остаться при этих условиях 3000 руб. прибыли?! Ясно, что нет». Почти дословно то же — у Лазарева: «Может ли при таком громадном, но необходимом расходе очиститься 750 рублей прибыли? Несомненно, нет!» По всей видимости, между этими двумя клиентами Лаврентия Артамошкина личной связи не было, наш консультант просто использовал выигрышную с его точки зрения фразу. Мы уже видели, что в эти же дни ему доводилось оформлять и другие возражения, в которых он излагал те же мысли без риторических вопросов. Таким образом, наш ходатай все-таки старался вносить некоторое разнообразие. Но поток клиентов в дни, следующие за вручением повесток об уплате налога (в тот год в Новониколаевске это было 17–18 июля), оказался столь значительным, что совсем без повторов обойтись не удалось.

В том же Новониколаевске действовал еще один консультант, от которого остались три прошения, датированные 18 и 19 июля 1907 г. Все они оформлены одинаково и в то же время с явными отличиями от документов Л. Артамошкина: отсутствует заголовок «Прошение», отличаются открывающее и закрывающее клише, все документы оплачены гербовыми марками (в одном случае чиновники не стали наклеивать и гасить марки, но во всех заявлениях оговорено, что они приложены). Вообще-то обращение в податное присутствие не требовало оплаты (в отличие от обращения в казенную палату): наш ходатай, очевидно, об этом не знал, его клиентам приходилось раскошеливаться на лишних полтора рубля.

Заявление М.Н. Верхова¹⁸, торговавшего на новониколаевском базаре в мануфактурном ряду, не менее пространно, но менее разнообразно, чем артюшкинские: нет подробной росписи расходов, все дело сводится к предположению

о «закравшейся ошибке» и подтверждению цифры оборота, заявленной в ранее поданной декларации (даже без указания той цифры прибыли, которую жалобщик предлагает считать правильной).

Ключевой довод жалобщика — отсылка к своим записям, которые он готов предоставить присутствию для проверки. Напоминая о декларации, в которой он заявил, что годовой оборот «не превышает 7000 (семи тысяч) рублей», он пишет: «В действительности оно так и есть, по надлежащей проверке имеющихся у меня счетов <...> торговый оборот моего предприятия далеко не достигает указанной мною цифры (7000 р.)» (между тем ему одной прибыли насчитали 4 тыс. р., исходя из оборота в 40 тыс.).

Встречаются явные ошибки: «...у меня розничная торговля и торговые книги за отсутствием незначительности операций не ведутся». Похоже, что здесь смешались два способа описать одно и то же: торговые книги не ведутся «за отсутствием значительных операций» или «за незначительностью операций». Рождается предположение, что это выражение бездумно переписано с не очень понятного черновика.

На следующий день, 19 июля, были составлены заявление от владельца коммерческих бань К. И. Шаапа¹⁹ и торгующего по свидетельству 2-го разряда К. П. Артюшкина²⁰. Шаап жалуется на пожар, вынудивший его к трехмесячному ремонту (в течение которого бани не работали), Артюшкин же указывает на упадок своей торговли уже в 1907 г. (тогда как налог взимается за 1906 г.) и выражает недовольство «повторной присылкой» извещения о налоге за 1905 г. (вероятно, следствие описки или неверного прочтения даты). По существу доводов эти два заявления весьма различны, но совпадает (помимо оформления) вводная формула: «Не возражая против...» (оклада раскладочного сбора — в одном случае, обложения в текущем году — в другом), «я тем не менее...» или «я не могу не обратить внимание...». В прошении Артюшкина (более длинном) она повторена даже дважды (в разных местах). Как видно, этот оставшийся безымянным консультант не стремился копировать заявления, а старался учитывать личные особенности каждого заявителя, но не всегда мог удержаться от использования им же самим только что придуманных выражений.

Все трое плательщиков собственноручно подписали свои заявления, и, судя по подписям, они владели пером не так уверенно, как обладатель основного почерка. Но поразительно, что кроме двух почерков, на всех трех заявлениях есть еще и третий: им написаны в самом конце дата и место (18/19 июля 1907 г., Новониколаевск). Этот третий почерк во всех трех случаях один и тот же — более уверенный, чем почерк авторов подписей и более беглый (менее аккуратный), чем основной почерк документа. Напрашивается объяснение: эту запись оставлял владелец «фирмы», не бравший на себя риск оставлять работу своего помощника без проверки.

Еще одну пару весьма похожих друг на друга прошений мы имеем с железнодорожной станции Тайга. Как и Новониколаевск, она возникла благодаря

Транссибирской железной дороге и в 1911 г. уже имела статус города. Прощения эти одинаково оформлены (заглавие, открывающая и закрывающая формулы, нумерация пунктов), но содержательно не лишены некоторой индивидуальности. Крупнейший тайгинский торговец М. Я. Магазов²¹ включил в заявление целых шесть пунктов начиная с того, что предприятие у него — «первогодное» (существует первый год) и потому не подлежит обложению вообще (если бы это было правдой, остальные доводы были бы не нужны; но Магазов, очевидно, понимал, что присутствие хорошо знает о его уловке — ежегодно переписывать предприятие на подставных лиц). Владелец же крупной мелочной лавки И. Т. Чернов²² первым делом попытался убедить присутствие данными о своем обороте в сочетании с процентом прибыльности основных своих товаров. Итак, первый пункт разнится, зато дальнейшее сходится. В обоих документах речь идет о незначительности рынка Тайги: из-за отсутствия летом базаров (а зимой — крупных базаров или ярмарок); из-за того, что железнодорожники, которые могли бы составлять основной контингент покупателей, предпочитают закупаться в Томске (куда по службе ездят бесплатно); и из-за того, что на каждые десять дворов в Тайге приходится одна лавка. Все это описано в выражениях, совпадающих где-то почти дословно, а где-то — буквально, так что сомневаться в родстве документов не приходится. Совпадение же почерка (с его характерными «К» и «Т» заглавными) не оставляет сомнений в том, что писано это одной рукой.

Рука эта принадлежала человеку не вполне грамотному; встречаются здесь иной раз отдающие просторечием ошибки («съездие базары» — то есть съезжие, куда съезжаются издалека) и не вполне ясные выражения, отдающие волостным правлением: «Как местность поселка Тайга, в промышленности торгового предприятия, она не может пользоваться и равняться с местностью провинции» (это из магазовского прошения; у Чернова формулировка иная, но не более внятная: «Тайга не может пользоваться покупателями как в провинции города»).

Магазов указал, что отдал свое прошение на почту 8 июля (на 4-й день после рассылки налоговых уведомлений в Тайге), и эта дата подтверждается почтовым штемпелем. В заявлении Чернова сказано, что оно «подано на почту 19 июля», на тайгинском штемпеле — 21-е. Показательно, что при почти двухнедельной разнице в составлении заявлений мы имеем дословные совпадения. По-видимому, у тайгинского «налогового консультанта» хватало то ли опытности, то ли предусмотрительности сохранять черновики либо копии собственных творений.

Были ли тайгинский и новониколаевские «налоговые консультанты» профессионалами, специализирующимися на юридических услугах, или совмещали это дело с иной работой, мы не знаем. Но в деревне первейшим кандидатом на просьбу о юридической помощи выступал волостной писарь — главный бухгалтер и главный юрисконсульт всей волости. Это широко известное явление нашло

отражение и в налоговых возражениях. Владелец мелочной лавки в волостном селе Тутальском И. И. Вахромеев²³ просил снизить ему оборот почти в тринадцать раз, с 9 тыс. до 700 рублей. Главным его доводом служило утверждение, что именно такой оборот установило волостное правление при производстве рутинной ежегодной операции — «поверки торговли». Слова его подтверждались «удостоверением» на бланке и с печатью волостного правления за подписью волостного старшины. Этот довод инспектор опроверг следующей тирадой: «Хотя к возражению Вахромеева приложено удостоверение Тутальского волостного правления, написанное одною и той же рукой и подтверждающее заявление жалобщика, однако удостоверение это, по мнению присутствия, устанавливает не столько справедливость возражения, сколько приятельские отношения» между Вахромеевым и волостным правлением²⁴. И правда: почерк обоих документов, с характерными «х», «щ», «у» и «д», явно совпадает. Трудно сказать, выступал ли здесь писарь просто писцом, оформившим желание заказчика, или действительно консультантом, придумавшим всю систему доказательств. Но несомненно, что он был участником этой операции — тем более важным, что, судя по беглому почерку, Вахромееву и самому не составило бы труда написать это заявление.

Подведем итоги. Выглядит доказанным, что владельцы неотчетных предприятий, доход которых примерно соответствовал уровню чиновников средней руки, пользовались для борьбы за снижение своих налоговых платежей услугами частных ходатаев (консультантов), не оформленных в качестве адвокатов, но имеющих регулярный доход от услуг такого рода. Именно от этих ходатаев зависело, какие доводы использовали торговцы и каким языком эти доводы излагались. В поселке Тайга даже крупнейшие торговцы довольствовались услугами полуграмотных консультантов. В более крупном торгово-промышленном центре Новониколаевске действовало не менее двух консультантов, вполне владеющих пером. Каждый из этих двоих имел в своем распоряжении не менее одного помощника и отдельное помещение для своей конторы. Настоящее число консультантов наверняка было больше; можно думать, что все возражения, поданные от имени грамотных плательщиков, составлены ходатаями. Предприниматели еще не научились разумно тратить силы в борьбе за свои права, их возражения легко отклонялись; однако это новое для себя дело они воспринимали со всей серьезностью, не полагаясь на собственное разумение, но обращаясь к профессионалам.

¹ Крылов А. Н. Мои воспоминания. М., 1963. URL: https://militera.lib.ru/memo/russian/krylov_an/05.html (дата обращения 03.02.2025).

² Захаров В. Н., Петров А. Ю., Шацко М. К. История налогов в России. IX — начало XX века. М., 2006.

- ³ Kotsonis Ya. States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto [etc.]: University of Toronto press, 2014.
- ⁴ Кравицова Е. С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX — XX столетий. Курск, 2007.
- ⁵ Кириллов А. К. Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 125–134. DOI: 10.17223/15617793/482/13
- ⁶ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. Д-196. Оп. 3. Д. 461.
- ⁷ Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2017.
- ⁸ Соломаткин Л. И. Стряпчий (1867); Маковский В. Е. Ходатай по делам (1879); Чехов А. П. Староста (1885).
- ⁹ ГАТО. Ф. Д-196. Оп. 3. Д. 461. Л. 142 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 41 — 41 об.
- ¹¹ Там же. Л. 90 — 90 об.
- ¹² Там же. Л. 84 — 84 об.
- ¹³ Там же. Л. 141 — 141 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 138 — 138 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 147 — 147 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 189 — 189 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 125 — 125 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 71 — 71 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 201 — 201 об.
- ²⁰ Там же. Л. 37 — 37 об.
- ²¹ Там же. Л. 135 — 135 об.
- ²² Там же. Л. 198 — 198 об.
- ²³ Там же. Л. 67 — 67 об.
- ²⁴ Там же. Л. 69 об.

References

- Zaharov, V. N., Petrov, A. Yu., Shatsillo, M. K. *Istoriya nalogov v Rossii. IX — nachalo XX veka* [The History of Taxes in Russia. 9th — Early 20th Century. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN, 2006. 294 p.
- Kotsonis, Ya. *States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto, University of Toronto Press, 2014. 483 p.
- Kravtsova, E. S. *Istoriya sbora nalogov v rossiiskoi provintsii na rubezhe XIX–XX stoletii* [The History of Tax Collection in the Russian Province at the Turn of the 19th–20th Centuries. In Russ.]. Kursk, KGMU, 2007. 164 p.
- Kirillov, A. K. Stil' raboty raskladochnogo prisutstviya i lichnost' podatnogo inspektora v Tomskoi gubernii nachala XX v.: faktor chinovnika v epokhu stanovleniya podokhodnykh nalogov [The Style of Work of the Clamshell Presence and the Personality of the Tax Inspector in the Tomsk Province at the Beginning of the 20th Century: The Factor of an Official in the Era of the Formation of Income Taxes. In Russ.]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. No. 482, pp. 125–134. DOI: 10.17223/15617793/482/13
- Kirillov, A. K. *Ot podushnoi podati k podokhodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoi Rossii i ikh voploshchenie v Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [From Poll Tax to Income Tax: Tax Reforms in Capitalist Russia and Their Implementation in Western Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century. In Russ.]. Novosibirsk, Parallel', 2017. 178 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. К. Кириллов. Ходатай по налоговым делам как часть культуры оптимизации налогов в начале XX в. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 103–113

Аннотация: Статья связана с изучением малоизвестного явления российской истории — податных присутствий. К началу XX в. они стали неотъемлемой частью технологии расчета налогов в передовой части российской податной системы. Важная часть деятельности податных присутствий — рассмотрение возражений предпринимателей против назначенной им суммы дополнительного промыслового налога. Исследование выполнено на базе коллекции возражений, поданных плательщиками 2-го Томского участка в 1907 г. Методы исследования имеют отношение к графологии, текстологии и герменевтике. Сопоставляя оформление возражений, характерные языковые обороты и логику обоснования требований плательщиков, выявляя различия между похожими документами и анализируя исправления в текстах, автор обнаруживает три серии возражений, в каждой из которых все документы (численностью от двух до восьми) несомненно сочинены одним и тем же лицом. Дополняя содержательный анализ сопоставлением почерков, которыми выполнены сами возражения, подписи под ними и приписки к ним, автор доказывает, во-первых, что возражения сочинялись не самими плательщиками, а профессиональными консультантами, и во-вторых, что по крайней мере у двух консультантов имелись помощники, занимавшиеся непосредственным изготовлением документов. В одном из случаев установлено и имя консультанта. Из этого делается вывод о существовании у провинциальных российских предпринимателей начала XX в. несомненно выраженной тенденции доверять борьбу за сокращение своих налоговых платежей профессионалам, занимавшимся оказанием юридических услуг.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, экономическая история, история налогов, податные реформы, податное присутствие, промысловый налог, предпринимательство, мелкая торговля, юридическая культура, ходатай по делам.

FOR CITATION

A. K. Kirillov. Tax Petitioner as Part of the Tax Optimization Culture in the Late Imperial Russia // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 103–113

Abstract: The article under consideration pertains to the study of a relatively obscure phenomenon in the annals of Russian history — namely, tax offices. By the onset of the 20th century, these institutions had evolved into a pivotal component of the tax calculation technology within the advanced segment of the Russian tax system. A significant aspect of their function pertained to the consideration of objections raised by entrepreneurs with regard to the amount of additional business tax levied upon them. The study draws upon a collection of objections lodged by taxpayers of the 2nd Tomsk office in 1907. The research methods employed encompass graphology, textology and hermeneutics. By comparing the design of the objections, typical expressions and the logic of substantiating taxpayers' demands, identifying differences between similar documents and analysing corrections in the texts, the author discovers three series of objections, in each of which all documents (from two to eight in number) were undoubtedly composed by the same person. The author's analysis is further enriched by a comparison of the handwritings in which the objections themselves, the signatures under them and the notes to them were written. This analysis demonstrates two key findings. Firstly, the objections were not composed by the taxpayers themselves, but by professional consultants. Secondly, at least two consultants had assistants who were directly involved in the preparation of the documents. In one particular instance, the name of the consultant was also identified. This finding suggests a discernible tendency among provincial entrepreneurs in late imperial Russia to entrust the reduction of their tax payments to professionals engaged in legal services.

Key words: late Imperial Russia, economic history, history of taxes, tax reforms, tax office, business tax, entrepreneurs, small business, judicial culture, solicitor.

Автор: Кириллов, Алексей Константинович — к. и. н., Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия).

Author: Kirillov, Alexey Konstantinovich — Candidate in History, Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

E-mail: alkir.nsk@gmail.com